

Юрий Аракчеев
ЛУНА НАД ПУСТЫНЕЙ

6+

Юрий Сергеевич Аракчеев

Луна над пустыней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42555002

SelfPub; 2019

Аннотация

Увлекательное повествование о путешествии известного писателя-натуралиста с фотоаппаратом в горы Западного Тянь-Шаня и в район реки Сырдарьи в составе биологической экспедиции. Книга написана живо, с юмором и содержит ряд интереснейших сведений об удивительных созданиях природы. Пользовалась большим читательским успехом и широко отрецензирована в центральных СМИ. Издательство «Детская литература», 1980. Проиллюстрирована цветными снимками автора. Оформление обложки – О. Валева

Содержание

Часть 1. Ферула и эремурус	4
Письма, телеграммы...	4
Знойный Ташкент	17
Утро с цветами	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Часть 1. Ферула и эремурус

Письма, телеграммы...

В ответ на Ваше письмо сообщаю, что в середине апреля мы выезжаем на Сырдарью. Работать будем в среднем течении, в районе Ширик-Куль. Места малонаселенные. Я занимаюсь опылителями тугайных растений...

Георгий Федорович Колух, начальник экспедиции Ташкентского музея природы.

В Средней Азии я еще никогда не бывал.

Мавзолеи и минареты... Самарканд, Бухара, Хива... Паранджи, пиалы, бесконечный чай в жару, верблюды... Река Сырдарья... Таинственный Ширик-Куль. Что это? «Куль» – значит «озеро», это я помнил по какой-то книжке. «Загадочное озеро Сары-Куль» – вот как она называлась! Может быть, в письме ошибка и мы поедем именно на Сары-Куль? Я самым тщательным образом изучал карты. Сары-Куль есть, верно. Только совсем не в районе реки Сырдарьи. А вот Ширик-Куля я не нашел нигде. Странно.

Опылители тугайных растений... Пчелы, наверное, бабочки. Тугаи – это какие-то типично азиатские заросли, кишацие кабанами и, кажется, тиграми...

Нечего, конечно, и говорить, что я мигом, не теряя ни минуты, написал ответ. Что обязательно постараюсь принять участие и буду ждать телеграммы.

Одно беспокоило: вдруг не придет телеграмма? Вдруг он забудет ее послать? Или на телеграфе что-нибудь случится?

Но телеграмма пришла. В ней было сказано, что экспедиция откладывается дней на десять – пятнадцать и будет опять телеграмма.

Я получил ее через две недели: «Экспедиция отъезжает 6 мая, вам нужно быть 5-го».

И лихорадочно принялся собираться.

Как журналисту мне приходилось ездить по разным местам, бывал я и в путешествиях. Но только не в пустыне. А тугай, как выяснилось окончательно, – это заросли по берегам рек, текущих через пустыни...

Первым делом я купил себе дефицитные туристические ботинки. Правда, в книгах о путешествиях по Средней Азии было написано, что самое лучшее – кирзовые сапоги. Потому что змеи, запросто прокусывающие материю брюк, не могут прокусить сапожную кожу... Однако знакомый специалист-энтомолог, Дмитрий Викторович Панфилов, который, кстати, и дал мне адрес Георгия Федоровича, сказал, что ботинки сойдут.

– Только не вздумайте ходить по ночам – змеи в основном охотятся ночью...

– А какие змеи в тех местах водятся, Дмитрий Викторо-

вич? – спросил я, как бы между прочим.

– Кобра иногда встречается. Эфа. Щитомордник. Это – из ядовитых.

Из соответствующей литературы я уже знал, что укус всех трех, а особенно первых двух, смертелен.

– Может, все-таки лучше сапоги? – спросил я Дмитрия Викторовича.

– Лучше. Но жарко в них. Вот если бы вы достали брезентовые...

Брезентовых сапог я не достал.

Я узнал также, что в тех местах водятся каракурты, скорпионы, тарантулы, фаланги. Укус каракурта смертелен, остальных – очень болезнен. У фаланги, правда, нет ядовитых желез, но заразить ранку она может гниющими остатками пищи, которые подолгу сохраняются на ее челюстях. В этом случае трупный яд, проникая в кровь укушенного, может привести к самым печальным последствиям.

Долго думая об этом последнем, я пришел к мысли, что все равно от всего не уберешься. Чему быть, того не миновать. Так что, как говорится, была не была...

Хуже всего настраивали специальные книги и руководства. Описания симптомов после укусов ядовитых змей, пауков, насекомых были весьма выразительны. Однако читать все это было необходимо – для подготовки.

Я старался сохранять самообладание и оптимизм. Дело в том, что...

Когда было мне лет двенадцать, прочитал я однажды любопытную книгу. В ней рассказывалось, как мальчик и девочка забрались в лабораторию знакомого профессора и попробовали на вкус загадочный напиток, пахнущий персиками. Потом сели на подоконник, болтая ногами, и тут... все вокруг них начало неудержимо расти...

Оказалось, что напиток был волшебным: выпив его, мальчик и девочка начали уменьшаться и уменьшались до тех пор, пока не стали очень маленькими – такими крошечными, что запросто уместились на спине стрекозы, которая как раз опустилась около них на подоконник. Стрекоза унесла ребят в дремучие заросли на берегу ручья. И началось путешествие двух человечков в зеленой стране, населенной удивительными существами – муравьями, осами, бабочками, жуками. Книга называлась «Приключения Карика и Вали». Написал ее Ян Ларри.

Книга эта ошеломила меня и, наверное, как-то даже перестроила мой внутренний мир. А вернее наоборот: не перестроила, а вернула меня к тому, что я сам думал и чувствовал, но под влиянием каких-то внешних причин подвергал сомнению и забывал. Ведь еще в самом раннем детстве я очень любил странствовать весьма оригинальным способом. Лежал где-нибудь, например, на лесной поляне, смотрел в траву перед собой, и... Воображение следовало за каким-нибудь муравьем по хаосу толстенных травяных стволов, похожих на тропический бамбук, мимо раскидистых кустов зем-

ляники с трехлопастными, как у пальм, гигантскими листьями. И над головой висели, источая аромат, огромные спелые ягоды... Далее я мысленно попадал в полумрак муравейника – в этот многоэтажный дом с анфиладами комнат, галереями, пристройками, залами и подземельями... Иногда мне удавалось пожить в зеленых дебрях какого-нибудь куста или в душистом цветке, полетать на спине стрекозы или бабочки над бескрайним океаном трав или сесть на бронированную спину жужелицы и с головокружительной скоростью мчаться по лесной тропинке, усыпанной иголками-бревнами.

Потому, наверное, и подействовала на меня так сильно книга Ларри, что я понял: не один я увлекаюсь мысленными странствиями, не один я думаю и чувствую так, а значит...

Была и еще одна подобная книга. «Жизнь насекомых» французского естествоиспытателя Жана Анри Фабра. В школьные годы я перечитывал ее множество раз. Недавно перечитал снова. Нет, все-таки удивительно, как захватывает описание жизни пчел, ос, бембексов, сколий, жуков – этих многочисленных маленьких наших соседей, которыми большинство людей интересуется только в детстве, а потом безнадежно забывает об их существовании. Если, конечно, не занимается ими из чисто научных – практических – соображений.

И вот что еще странным образом волнует меня в связи с книгой Фабра. Почти все свои наблюдения, представляющие огромную ценность для науки, давшие материал для напи-

сания не только «Жизни насекомых», но и нескольких других удивительных книг, сельский учитель Жан Анри Фабр сделал на небольшом пустыре, заросшем сорняками. Никуда почти и не ездил. Ни во что не вмешивался. Только смотрел. И увидел столько...

Название этого каменистого клочка земли – Гармас. Площадь – меньше гектара. По мнению современных маститых ученых, именно здесь было положено начало новой науке – энтомологической этологии, то есть науке о поведении насекомых. Теперь сюда приезжают туристы со всего света. А ведь этот клочок земли ничем не отличается от любого другого, разве только тем, что он неводеланный. Что природа здесь предоставлена самой себе. И жил здесь не активно преобразующий, а умеющий наблюдать человек.

Было время, когда я, становясь взрослым, стал все это забывать... Однако, занявшись обычной любительской фотографией – людей и пейзажей, – узнал однажды, что есть, оказывается, зеркальные фотоаппараты, где наводить на резкость можно по матовому стеклу, и еще есть насадочные кольца, которые позволяют фотографировать с близкого расстояния – крупным планом. А если снимать на цветной обратной пленке и полученные диапозитивы, или слайды, проецировать потом на экран, то можно...

И я купил зеркальный фотоаппарат «Зенит». И насадочные кольца. И цветную обратимую пленку.

Зарядив фотоаппарат, навинтив кольца, я вышел во двор

старого московского дома. Это было 26 июня 1969 года. Я навсегда запомню столь знаменательный день.

Был вечер, и солнце стояло низко. Оно освещало бежевые, слегка полинявшие от дождей стены нашего дома, уютный зеленый дворик и широкую асфальтовую полосу, рассекающую пополам заросли деревьев, кустарников и густой сочной травы с одуванчиками. Я шагнул в траву и наклонился, глядя в видоискатель.

По толстому зеленому стволу полз кто-то большой, красновато-коричневый. Неуклюжий и мощный, он напоминал рыцаря в медных доспехах. Он методично полз вверх, непрерывно шевеля усами, похожими на стальные плети. Со стебля «рыцарь» перебрался на пологий бугор листа. Бугор под ним закачался... На краю странное существо остановилось. Далеко внизу и во все стороны раскинулись необъятные джунгли, безбрежный зеленый океан. Куда теперь? С минуту «рыцарь» подумал, оставаясь в неподвижности – лишь усы его шевелились без остановки вверх, вниз, вправо, влево, – наконец лениво разломил свои доспехи на спине, выпростал из-под них тонкие прозрачные крылья и... полетел.

Я передвинул объектив. Полыхнуло желтым. Гигантская солнечная шапка цветка – множество желтых лилий, а на них, небрежно сминая шелковистые нежные лепестки, сосредоточенно копошится мохнатый зверь. Шерсть длинная, темно-рыжая, на спине – плоские слюдяные крылья, а глаза миндалевидные, блестящие, внимательные. По-хозяйски

Охватив топкими лапками несколько цветков сразу, зверь сует по очереди в каждую лилию короткий черный хобот. Голова его перепачкана желтым...

Я принялся исследовать окрестности, чувствуя себя как во сне.

В расплывчатом зеленом мареве по жилке листа ползло длинное изящное существо, неся на себе просторный, отливающий перламутром балахон крыльев. Оно двигалось медленно, грациозно кланяясь и вертя глазастой головой.

Золотые глаза сверкали, посылая во все стороны изумрудно-бронзовые лучи... В просторной багряной чаше цветка суетился кто-то черный, пластмассовый. С высоты плюхнулся сразу на все шесть лап-шасси толстый лайнер и, поворочав в разные стороны головой, принялся вдруг умываться, как кошка чиститься...

Жук-пожарник, шмель, златоглазка, маленький черный жучок, обыкновенная муха... Всего-навсего.

Это опять было напоминание.

Потом я проявил пленку у знакомого фотографа, вставил диапозитивы в рамки, приспособил на столе проектор «Свет». Яркий, многоцветный мир Карика и Вали распался передо мной на комнатной стене...

Лето прошло в постоянных волнениях.

Странствия в дворовых джунглях – на корточках и ползком, – вызывающие нездоровый интерес соседей, путешествия в дебри поляны Измайловского парка, незабываемая охота на бабочку-адмирала и чуткую репейницу в молодом лесу на московской окраине, первые выезды дальше – на станцию Черная под Москвой и на озеро Селигер...

Утерянное детство вернулось, и мир вокруг меня чудесным образом изменился. Разве я мог раньше предполагать, что, не выезжая ни в какие далекие страны, а просто выйдя во двор или в парк, можно совершить путешествие? И какое! Раньше мне как-то не приходило в голову, что отцветший одуванчик, обыкновенная «фукалка», может быть похож на

серебряный шар, на остров Южного моря, поросший фантастическими белыми пальмами, на сказочную сцену, где выступают балерины. Мог ли я знать, что яички клопа на коре березы – блестящие капельки янтаря? Конечно же, от меня было скрыто, что жук-жужелица выкован из стали, а доспехи жука-пожарника – из меди. Вернее, не было скрыто, а просто я сам забыл. Теперь вспомнил. И постараюсь не забывать никогда.

Знаете ли вы, что гусеница бабочки ольховая стрельчатка, например, в зрелом возрасте носит страусовые перья, а гусеница стрельчатки кленовой – это просто-напросто ползающий лисий воротник? Известно ли вам, что голова стрекозы – это голова космонавта в шлеме с антеннами, спинка клопа-солдатика – индейская ритуальная маска, а спинка клопа-наземника тощего – африканская маска? Паутина после дождя – кружево, отделанное алмазами, а сухая паутина, пронизанная солнечными лучами, – радужное, сказочное сияние?

Наблюдая все это с близкого расстояния, я сделал удивительное открытие. Поведение ползающих, бегающих, прыгающих и летающих созданий иногда странным образом напоминает то, что я вижу в гораздо более крупном масштабе. Аналогий тьма. В конце концов я иногда стал даже путаться, с каким миром имею дело в данный момент – «микро» или «макро». Так у меня появилась галерея портретов: жук – Сева, кузнечик – Семен Петрович, бабочка – Елизавета Степановна, гусеница – Софи Лорен, златоглазка – Уланова... Однажды я вычитал известное изречение древнегреческого философа Анаксагора: «Все – во всем». И понял, что в моих наблюдениях нет ничего удивительного.

Тогда я принялся читать книги по биологии. Что же вы думаете? Аналогии подтверждаются...

Запомнилась фраза из одной книжки: «Какую бы форму жизни мы ни изучали – от вируса до мамонтова дерева, – мы изучаем самих себя». Может быть, все дело в этом?

Ну вот. Теперь, я думаю, вам ясно, почему никакие страхи перед встречей с ядовитейшими из паукообразных и пресмыкающихся не остановили бы меня от поездки не только в Среднюю Азию, но куда угодно.

Знойный Ташкент

5 мая утром я вылетел из Москвы.

В Ташкенте цвели пионы и розы, на лицах местных жителей в аэропорту уже утвердилась этакая типично летняя гримаса: «Жарко, но ничего не поделаешь». Было градусов тридцать в тени.

В открытых окнах троллейбуса замелькали пирамидальные тополя, домики, увитые виноградом, акации и дико изуродованные остовы каких-то деревьев. Оказалось – это тутовник. Его листьями здесь кормят гусениц тутового шелкопряда, выращивая коконы на дому...

Проехали центральные районы Ташкента. Вот и нужная мне остановка – конечная. В Музее природы меня должен ждать начальник будущей экспедиции Георгий Федорович Колюх. Итак, где он, Музей природы?

Об этом я и спросил проходящего мимо мужчину с черными усиками и в тубетейке.

– Музей природы? – Мужчина долго разглядывал меня. Наконец почмокал губами и заявил:

– Так он сгорел.

– Как... сгорел?

У меня сердце упало. В воображении со страшной быстротой замелькали картины пожара. Недаром было столько писем и телеграмм, недаром экспедиция откладывалась: ко-

гда долго тянется – это плохой признак! Ох, и кошмарная, должно быть, картина была! Что же делать? Что с Георгием Федоровичем?..

– Сгорел, – повторил мужчина, с удовольствием, как мне показалось, наблюдая мою растерянность. И добавил: – Весь сгорел, начисто... – И языком поцокал: – Ц-ц-ц...

– Как же так? – спросил я, совершенно обескураженный. – Как же так? Ведь я только неделю назад телеграмму...

– Сгорел, – повторил мужчина. – Ничего не поделаешь.

– Ну, а где же он был-то? – спросил я все-таки, тревожно оглядываясь.

– А вон где был: прямо иди и налево. Стены остались. Живут там, спросишь. Рядом с базаром.

В полной растерянности я поплелся сначала прямо, а потом налево.

– Вот он, музей, – бойко ответила на мой вопрос бледнолицая женщина и махнула рукой в сторону мрачноватых серых стен без окон и дверей.

– Что он, разве сгорел? – спросил я. – Мне вот только сейчас сказали...

– Да, сгорел, – весело сказала женщина. – В прошлом году еще. Не работает. Но там есть сотрудники, у них все узнаете.

В полном недоумении я заглянул в открытую дверь Г-образного одноэтажного здания, рядом с которым действительно чернел обгоревший скелет большого дома... В комнатке с огромными шкапами и коллекциями тропических бабочек

на стенах мне показали рабочее место Георгия Федоровича Колюха. Так как начальника будущей экспедиции на месте не было, пришлось идти в административный отдел музея, который находился дальше по улице, напротив базара. В небольшом глухом дворике административного отдела, таком испанском патио с окружающей его скрипучей деревянной галереей, цвели ярко-алые и желтоватые чайные розы. В воздухе плавали слои тончайшего аромата. Сгорело, как выяснилось, далеко не все.

Георгий Федорович оказался молодым – лет сорока – русоволосым мужчиной с ярко-голубыми глазами и уныло повисшими горьковскими усами. Он как-то странно, без особой приветливости посмотрел на меня – что, впрочем, я отнес на счет жары – и молча повел обратно, в комнату со шкафами и бабочками, где я только что был.

Сев за стол, на свое обычное рабочее место, он пригладил волосы, потрогал усы, откашлялся слегка и неожиданно тихим голосом, запинаясь, сказал:

– Понимаете... поездка откладывается на десять дней... Я вам дал телеграмму...

– На десять дней?! Как... Но ведь я же... Когда телеграмму?

– Сегодня, – уныло сказал Георгий Федорович.

– Как сегодня? Но ведь я рано утром вылетел, последний срок...

Георгий Федорович ничего не ответил. Он вяло отвернул-

ся от меня и посмотрел в окно.

– С машиной у нас, понимаете... Машину чинят. Еще мотор не поставили. Розмарин... Она сгорела. Он ее своими силами...

Опять. Что же тут все горит? И что значит «розмарин»? Целых десять дней! Я молчал подавленно.

Начальник экспедиции тоже молчал и смотрел на меня с печалью. Потом он встал со стула и принялся открывать окно. Открыл первую раму.

– Вон, посмотрите, – сказал он, показывая на подоконник.

На подоконнике сидел великолепный экземпляр ночной бабочки виноградный бражник. Свежий, ничуть не потертый. Мощное, упрямое серебристо-белое тельце напоминало корпус реактивного самолета, розовато-серые узкие крылья, откиннутые назад, довершали сходство. Это был привет, визитная карточка Средней Азии. Сердце мое забилося... Но как же тугаи? Неужели правда мы задерживаемся на десять дней? От расстройства я даже фотографировать не стал этот реактивный лайнер. Бражник с гудением взмыл с подоконника и исчез в душном пространстве музейного двора...

– Вы обедали? – спросил Георгий Федорович. – А то пойдете. У нас здесь, напротив...

Постепенно кое-что прояснилось. Розмарин – это, оказывается, Розамат, шофер экспедиционной машины. Музей, а с ним и машина действительно сгорели во время прошлогоднего пожара, который возник из-за халатности ночного сто-

рожа. Сгорела вся экспозиция, полностью. К счастью, остались фонды. Сейчас строится новое здание и разрабатывается проект новой, улучшенной экспозиции. А вообще музей основан в 1876 году как комплексный музей Туркестана – искусство, история, природа Средней Азии. Впоследствии от комплексного музея отделился Музей природы. Он был и остается крупнейшим и лучшим в Средней Азии. Фонды содержат более полумиллиона экземпляров одних только беспозвоночных. Коллекция тропических бабочек – одна из лучших в Союзе...

После обеда я увидел Розмарина на территории музея. Невысокого роста, черноволосый, очень подвижный и веселый человек в черном костюме – в такую-то жару! – пришел к Георгию Федоровичу просить денег на окраску машины.

– Через десять дней, раньше никак не получица! – ответил он на мой вопрос, и лицо его так и лучилось приветливостью, а среднеазиатский акцент придавал словам, помимо главного смысла, еще какой-то второй, скрытый и очень веселый смысл. Было такое впечатление, что он рад сообщить мне эту новость и новость эта, с его точки зрения, очень приятна для меня.

С деньгами в погоревшем музее было туго, и Георгий Федорович с Розаматом направились к директору, Оскару Хайдаровичу... А мне как быть? Что делать эти десять бесконечных тягостных дней? И ташкентская сухая жара полонила меня окончательно и бесповоротно.

С помощью Георгия Федоровича, командировочного удостоверения журнала, а также благодаря письму-просьбе Оскара Хайдаровича я поселился в одной из мрачных каменных келий бывшего медресе Кукельдаш. В этом типично азиатском каменном здании с арками и майоликой когда-то проходили курс духовных наук монахи. Теперь здесь Институт усовершенствования учителей. А вообще медресе Кукельдаш – архитектурный памятник XVI века, одна из достопримечательностей Ташкента.

Мы с Георгием Федоровичем поднялись по просторной лестнице к шикарному фасаду, с трудом отворили массив-

ную арочную дверь, прошли коридор, потом небольшой зал и очутились в уютном прохладном каменном дворике, посреди которого зеленел травяной газон и даже высились кустики и маленькие деревца. Серые каменные стены двора были разделены на ячейки-ниши, в глубине каждой виднелись двери. Бывшие кельи монахов. Я тотчас представил себе долгую, однообразную монашескую жизнь, замкнутую в каменных стенах, – и это в то самое время, когда в мире столько интересного, когда где-то есть неведомые страны, а вот в тугайных зарослях в среднем течении Сырдарьи, совсем поблизости, водятся фазаны, шакалы, кабаны, тигры! Не говоря уж о многочисленных прямокрылых, чешуекрылых, жуках, скорпионах, фалангах. Правда, среди монахов были странствующие, которые много путешествовали, – вот это совсем другое дело!

В кельях было мрачно и сыро, высокие сводчатые потолки навевали мысли о бренности жизни и непреодолимое стремление вырваться поскорее на волю. Мне предложили келью на выбор, так как в Институте усовершенствования сейчас каникулы и помещения пустуют. Какая разница? Все-таки я выбрал ту, которая была на солнечной стороне.

Пока снимал рюкзак и решал, какую из двух железных коек занять – правую или левую, – Георгий Федорович подошел к газону и принялся что-то ловить.

– Что там, Георгий Федорович? – живо спросил я, поспешно и с удовольствием выходя из кельи на свет.

– Пчелка, – сказал Георгий Федорович кислым голосом. –

Антофора. Улетела... – Он уныло посмотрел на меня: – Вот здесь тоже есть насекомые. Вы можете пока заняться...

Я посмотрел на тощий газон и не увидел ничего, кроме десятка обыкновенных мух и непонятно как появившейся здесь потертой капустницы.

– А скорпионы здесь могут быть, Георгий Федорович?

– Могут. Только не в траве. Вы у себя в комнате на полу посмотрите...

Путь от медресе до Музея природы проходил по широкому бульвару, залитому ослепительным солнечным светом, слегка присыпанному микроскопически мелкой и легкой пылью, часто взлетающей вверх от малейшего ветра и придающей воздуху особенный колорит. Обычно в середине дня солнечная часть бульвара бывала пустынна, и не потому, что мало было народу, а потому, что люди старательно жались к теневой стороне, под сень деревьев, даже местные жители, уже загорелые, прокопченные солнцем, несмотря на то, что настоящее лето еще только начиналось – май. На левой, теневой, стороне бульвара в медлительных сизо-голубых струях дыма от мангала с шипящими шашлыками виднелась вывеска, на которой привычными русскими буквами было написано: «Ошхона». С ударением на последнем слоге это слово означает «Столовая», ибо «ош» – по-узбекски «еда», «хона» – «комната». С правой, солнечной, стороны в тесном ряду магазинов и палаток заметнее всех был нежно звучащий призыв: «Едгурлик». Это журчащее слово, как выяснилось, означает: «Сувениры».

Посреди бульвара, на самом солнцепеке, рядом с кустами цветущих и благоухающих роз, сложив ноги по-турецки, зачем-то сидел загорелый до черноты, совершенно лысый, с блестящим, словно полированным, теменем бородатый узбек...

Далее начинался базар, Октябрьский рынок – нечто сред-

нее между обычным городским рынком, которые теперь так похожи друг на друга, будь они в Москве, Ялте, Хабаровске или Новосибирске, и канувшим в Лету разгульным среднеазиатским базаром с оставшимися кое-какими рудиментами колоритного прошлого. Такими, например, как круглые горячие хлебы-лепешки, не в булочной, а у местных жителей, которые выпекают их каждый по-своему. Или целый торговый ряд пряностей, а главное – молотого красного перца, насыпанного медно-красными холмиками на прилавке, со стоящими позади них смуглыми круглолицыми узбеками в тюбетейках. Чем отличается одна горка от другой, трудно понять непосвященному, однако, привыкнув, начинаешь улавливать разницу в цветовых оттенках – так же, как начинаешь узнавать и самих торговцев, раньше казавшихся на одно лицо... Каждый раз я с опаской проходил по этому ряду: вдруг подует ветер посильнее, и тогда едкий красный порошок полетит в нос, в глаза... То тут, то там в интернациональной толпе покупателей мелькает живописный наряд – женщина в национальной одежде: в атласном платье, в длинных штанах, выглядывающих из-под платья и достигающих лодыжек (в этакую жару!); мужчина в длинном, свободно ниспадающем одеянии, сверкающий шоколадной гладко выбритой головой; древний старик в большой белой чалме, бородатый, полный достоинства, весь какой-то нездешний, словно только что покинувший свою мечеть и заглянувший сюда ненадолго и непонятно зачем, не воспринимающий, кажется, эту

суету, эту совершенно чуждую ему толпу, отрешенно идущий сквозь нее куда-то. Или – сгорбленный маленький старичок, тоже бородастый и тоже в чалме, но – как раз наоборот! – очень чутко реагирующий на все, быстрый, хитро поворачивающийся серыми живыми глазами, несущий то ли картонную коробку, то ли сверток, то ли старую хозяйственную сумку, деловито останавливающийся у каждого ряда, – потомок Хаджи Насреддина...

И опять – незнакомые, пленяющие непривычным звучанием слова, написанные обыкновенными русскими буквами: «Сабзавот – мевалар», что означает «Овощи – фрукты», «Ковурилган балик» – «Жареная рыба», «Лагман» – национальное кушанье, похожее на лапшу, и, наконец, короткое, емкое слово «Нон» – «Хлеб».

Обычный разнообразный шум, состоящий из русских, казахских, узбекских и интернациональных слов, восклицаний, звона и стука весов и гирь, звяканья мелочи, осторожных гудков автомашины, едущей почему-то прямо сквозь рынок... Ташкент – самый многонациональный город в Союзе, более ста национальностей: коренных жителей, строителей из разных концов страны, случайно заезжих гостей...

А еще на базаре – запахи, богатейший букет. Благоухание пряностей, особенно гвоздики и перца; аромат свежей клубники и прошлогодних сладких, уже слегка сморщившихся от долгого хранения и сухости воздуха яблок; свежесть молодой зелени – укропа, петрушки, кинзы и бесконечно разно-

образной по форме редиски: круглой мелкой, круглой крупной, длинной тонкой, длинной толстой, гигантской, розовато-белой или белой совсем, лиловой или чуть желтоватой, с хвостиком и без хвостика, с ботвой и без ботвы, гладкой налитой, целой или потрескавшейся, сочной, прохладной на ощупь...

И – покрывающий всё, всё подчиняющий себе сладкий, едкий вкус дыма от вездесущих мангалов с шипящими, потрескивающими от жара углей и солнца, сочащимися и капаящими шашлыками...

Выпутавшись из лабиринта торговых рядов, хаоса звуков и запахов, поднявшись по ступенькам на маленькую площадку, перенаселенную автомашинами и автобусами, рычащими и сердито пускающими свою долю гари и горячего воздуха, я, с риском для жизни, крутя головой в разные стороны, чтобы не попасть под колеса очередного грузовика, пересекал узкую, хитро изогнутую улицу Сагбан и оказывался на миниатюрном бульварчике с каштанами, небольшим фонтаном, свежим изумрудным ковриком мягкой травы, на которой обычно в густой благодатной тени отдыхали несколько рабочих-узбеков и во множестве бегали туркестанские горлицы – милые буроватые птички, нечто среднее между нашими голубями и воробьями. Теперь нужно было покинуть блаженную тень каштанов и решительно пересечь раскаленную узенькую каменную улочку, на которой высились пышащие жаром стены Музея природы. И вот, наконец, уютный

дворик с мрачным, солидным каркасом сгоревшего экспозиционного корпуса, опять розы, кустами и вьющиеся, провинциальное крылечко и – типичный музейный дух нафталина, хлороформа, тления...

– Ну, как дела с машиной, Георгий Федорович? – осторожно спрашиваю я в который уж раз.

– Не знаю. Не появляется Розмарин. Краску как будто бы никак не достанет. Бог его знает... – отвечает он тихо, вздыхает и тоскливо смотрит в окно своими небесно-голубыми глазами.

Да... А там-то, а там-то, на берегах Сырдарьи, в тугайных зарослях, – разгар жизни, благоухание трав, порхание бабочек, писк, скрип, стрекот кузнечиков, треск цикад, звон сверчков, пение птиц, вой шакалов, кудахтанье настоящих диких фазанов, топот кабанов – неохватный в своем бесконечном многообразии мир всевозможных крупных и мелких созданий, знакомых, а также таких, о существовании которых я, возможно, и не подозреваю. Говорят, что особенно широко в пустыне, а тем более в тугаях представлен мир жуков-чернотелок, паукообразных, прямокрылых (кузнечиков и саранчовых), пчел, стрекоз и, конечно же, чешуекрылых (гусениц, бабочек); говорят, что вообще всякой живности там видимо-невидимо, а в Сырдарье множество рыбы...

– А махаоны водятся там, Георгий Федорович?

– Полно. Мы гусениц махаона обычно на крючок насаживали, когда рыбу ловили. Какое кощунство, да?

– О да! А еще какие бабочки?

– Подалирии летают.

– Неужели подалирии водятся? А еще какие, еще какие, Георгий Федорович? – Я подсовываю ему определитель Горностаева.

– Был здесь, в музее, заезжий коллекционер, просил его в экспедицию взять, очень ему подалирия нужна была, – продолжает Георгий Федорович, медленно раскрывая атлас.

– Взяли?

– Да нет. Пока собирались, у него командировка кончилась...

Нехорошие предчувствия мучают меня, однако я с волнением наблюдаю за пальцем Георгия Федоровича, который повис над пестрой таблицей.

– Ну, вот такие еще, наподобие этих. Тоже водятся... – И палец указывает на поликсену!

– Неужели поликсены? – тихо переспрашиваю я и чувствую, что у меня начинают дрожать руки.

– Может, и не поликсены, не знаю. Но – похожие. Может, вам коллекцию показать?

– Ну конечно!

– Прямо сейчас?

– Да-да, а как же!

Георгий Федорович с тоской смотрит на меня. Ему, конечно, хочется сделать мне приятное, но ведь это же так нелегко. Во-первых, жарко, очень жарко, а во-вторых... Ведь

для того чтобы достать ящик с бабочками, нужно подвинуть стул, взобраться на него, потом еще тянуться куда-то в верхнюю часть музейного шкафа... Столько трудов!

Но самое трудное – первый шаг. Вот уже сдвинут чуть в сторону стол, а к шкафу приставлен стул. Кряхтя и отводя в сторону непослушные волосы, начальник будущей экспедиции влезает на стул, достает ящик, долго с сомнением разглядывает его – тот или не тот?... – и, наконец, ставит передо мною.

Дело не в том, что бабочки в ящике красивы. Главное – они пойманы там! Куда мы, вероятно, поедем. Я надеюсь... С волнением смотрю на распятые в неестественных позах бездыханные создания. И вот уже представляется мне, что они изящно взмахивают крыльями и рассаживаются вокруг, и комнату наполняет треск кузнечиков, благоухание трав...

Георгий Федорович увлекся. Он достает ящички один за другим – сначала бабочек, а потом и пчел, которыми занимается, и честно признается, что его тоже огорчает задержка. Очень. Ведь главные тугайные растения могут просто-напросто отцвести...

Вечером брожу по Ташкенту. Прохладные, ставшие особенно уютными в сумерках зеленые улицы, надрывная тягучая музыка, доносящаяся издалека, пьянящий аромат роз, еще каких-то цветов, перца, шашлычного дыма, мельтешение бабочек-бразжников вокруг уличных фонарей и – боль-

шая желтая луна в лиловом небе над арками медресе, точная копия странно знакомой картины, а может быть, память о прошлом, переданная по наследству через множество поколений?..

На третий день за меня вдруг вступается ботаник Музея природы, Лида Булгакова.

– Георгий Федорович, – говорит она, глядя большими веселыми глазами на начальника экспедиции, – а почему бы ему не поехать пока на Кайнар-сай? На стационар, к Александру Яковлевичу?

Георгий Федорович, стряхивая оцепенение, сначала долго и вдумчиво смотрит на Лиду, потом переводит взгляд на меня. Действительно: почему бы?

Кайнар-сай, как узнаю я с замиранием сердца, – это стационар по изучению грецкого ореха в отрогах Западного Тянь-Шаня. Он расположен на высоте тысяча двести метров над уровнем моря, в лесу; там есть и плоскогорья и горные вершины, там есть бурные реки и богатейшая, разнообразная травяная растительность. И там есть вероятность встретить и сфотографировать наконец бабочку моей мечты – аполлона. Неужели наконец?..

О, эти внезапные счастливые повороты судьбы, приносящие гораздо больше радостей, чем запланированные, обдуманные и многократно отрепетированные в воображении события! Не успел я еще привыкнуть к Ташкенту, не успел окончательно изжариться на жаре, проклиная Розмарина,

судорожно перебирая в воображении кипучую энтомологическую фауну тугаев, до оскомины разглядывая музейные ящички, пахнувшие, кажется, не только хлороформом, но – кладбищем, не успел пропитаться сырым специфическим запахом кельи бывшего медресе, истоптать улицу Навои и центр Ташкента, исследовать книжные магазины («Китоблар») и испробовать узбекские кушанья, как вдруг оказался в раю. С горными вершинами и снежными пиками, бурными реками и дремучими лесами, соловьями, Синими птицами, барсуками и змеями, махаонами и жуками-скакунами, со множеством цветов, лучшие из которых называются так: ферула и эремурус.

Утро с цветами

Представьте себе уютную зеленую долину, в глубине которой течет бурная речка с узбекским названием «Кайнар-сай», что означает в переводе «кипящая река». Я не вижу речки, потому что внизу сплошные зеленые заросли. Заросли, настоящие джунгли вокруг, они окружают три скромных белых домика стационара Института ботаники. Стационар создан, чтобы изучать грецкий орех, а потому густые джунгли, покрывающие оба склона долины, состоят в основном из кражистых экзотических, отчасти напоминающих наши дубы деревьев грецкого ореха. Но не только. Воздух напоен густым сладким ароматом цветущего боярышника. Цветут и черемуха, и алыча, и некоторые запоздавшие яблоны, и шиповник, и травы. Но аромат боярышника туркестанского перекрывает всё.

Я не только не вижу, но даже почти и не слышу бурную речку. Потому что на разные голоса поют пеночки, дрозды, зяблики, иволги, множество неизвестных мне ранее птиц – таких, например, как райская мухоловка. Голоса, как звуки инструментов в оркестре, сливаются в одну стройную мелодию, этакий фон, на котором то поочередно, то в несколько голосов сразу – дуэтом, трио или квартетом – солируют соловьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.